DK
241
.3 2 B

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПРИЗВАНІИ

РУССКАГО НАРОДА.

В. З. Завитневича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1893.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
6К

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
Полка
№
Инвентарь:
№

1838 г.

3-13

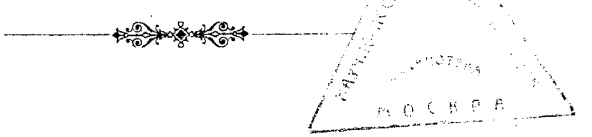
КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПРИЗВАНІИ

РУССКАГО НАРОДА.

В. З. Завитневича.

X

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1893

6и

ПРОВ. 1957

DK
241

Ин-та Русского языка
БИБЛИОТЕКА
МО. яз. и Мышления АН СССР
13033

Изъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ № 11 1893 г.

ФУНДАМЕНТА...

337
58

Къ вопросу объ историческомъ призваніи Русскаго народа.

Есть вопросы, точное научно-теоретическое рѣшеніе которыхъ завѣдомо не возможно; невозможно потому, что по своему существу они принадлежатъ не теоріи, а практикѣ: ихъ обыкновенно рѣшаетъ сама жизнь въ своемъ дѣйствительномъ теченіи. Тѣмъ не менѣе человѣку, какъ разумному существу, очень трудно отказаться отъ размышленія надъ ними; трудно потому, что вопросы эти своею идеальною стороною отрываютъ наше сознаніе отъ грубой дѣйствительности и устремляютъ его въ міръ принциповъ, въ міръ идеаловъ; а стремленіе къ идеальному есть насущная и притомъ благороднѣйшая потребность человѣческаго духа. Отказать человѣку въ удовлетвореніи этой потребности—это значитъ подавить въ немъ всѣ лучшіе, всѣ благороднѣйшіе порывы и погрузить его въ міръ грубой житейской прозы, среди которой очень трудно бываетъ устоять на той нравственной высотѣ, какая требуется отъ человѣка обязательнымъ для него нравственнымъ идеаломъ. На одномъ изъ такихъ вопросовъ я и хочу остановить вниманіе читателя. Имѣю въ виду вопросъ объ историческомъ призваніи Русскаго народа. Въ моемъ сознаніи вопросъ этотъ выступаетъ въ такой формулировкѣ.

Мы, русскіе люди, включили въ районъ своихъ владѣній территорію пространствомъ свыше 400,000 квадрат-

ныхъ миль, на которой живетъ свыше 100 милліоновъ жителей. Изъ этихъ 100 милліоновъ около 40 милліоновъ такихъ, которые не принадлежатъ къ русскому племени, но которые тѣмъ не менѣе вынуждены подчиняться нашей власти и совершать путь своего историческаго развитія подъ знаменемъ нашей народности. Спрашивается: во имя какого права мы совершили захватъ огромной территоріи, составляющей почти $^1/_6$ часть всей суши земнаго шара, и во имя какого права мы десятки милліоновъ людей, отличающихся отъ насъ этнографически, хотѣли бы заставить отказаться отъ культурной и политической самобытности и желали бы превратить ихъ въ простой этнографическій матеріалъ для усиленія и безъ того сильной своей народности? Ставя этотъ вопросъ, я имѣю въ виду не то право, какое въ свое время предъявляли человѣчеству такіе варвары, какъ Атилла, Чингисханъ, Тамерланъ, словомъ не право сильнаго. Такое право у насъ несомнѣнно есть, и если бы кто нибудь позволилъ себѣ усумниться въ немъ, мы легко могли бы доказать ему свою правоспособность въ этомъ отношеніи. Нѣтъ, я говорю о томъ правѣ, во имя котораго древніе Греки, руководимые своимъ великимъ Александромъ, доходили до береговъ Инда, во имя котораго древніе Римляне подчинили своей власти пространство отъ Атлантическаго океана до береговъ Ефрата, и во имя котораго, наконецъ, современные западно-европейцы распространили свои колоніи почти по всѣмъ уголкамъ земнаго шара. Словомъ, я имѣю въ виду то право, во имя котораго культурный человѣкъ подчиняетъ себѣ варвара, неся ему блага цивилизаціи. Въ данномъ случаѣ не важно то, что цивилизація названныхъ народовъ не всегда отличалась высокими качествами, а дѣятельность ея піонеровъ не всегда носила на себѣ печать чистаго безкорыстія и поэтому не всегда давала въ реаультатѣ лишь одно истинное благо. Важно то, что каждое поступательное движеніе впередъ, хотя бы, напримѣръ, классическаго Грека, влекло за собою рас-

пространеніе его науки, его искусства, его гражданскихъ понятій; словомъ, было торжествомъ просвѣщенія надъ темнотою, духа надъ матеріей; а этого одного уже достаточно для того, что бы оправдать проявленіе завоевательныхъ стремленій, хотя бы, напримѣръ, того же Александра Македонскаго.

Надѣюсь, для каждаго ясенъ истинный смыслъ такой постановки настоящаго вопроса. Такая постановка вводитъ въ наше сознаніе пониманіе того, какую огромную задачу взялъ на себя русскій народъ и какая тяжкая отвѣтственность падетъ на него въ случаѣ неисполненія этой задачи. На пространствѣ вѣковъ не мало можно было бы указать примѣровъ того, какъ отдѣльные народы, бодро выступавшіе на арену исторической жизни и даже успѣвавшіе дать блестящій разцвѣтъ своей гражданственности, быстро сходили съ исторической сцены, потому что не съумѣли понять смысла своего бытія, не съумѣли уразумѣть возложенной на нихъ исторіею задачи. А что на русскій народъ исторіей возложена великая задача, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. „Стоитъ только взглянуть на карту земнаго шара, скажемъ словами Надеждина, чтобы исполниться святаго благоговѣнія къ судьбамъ, ожидающимъ Россію. Неужели этотъ колоссъ, восклицаетъ онъ, воздвигнутъ напрасно мудрою міродержавною десницею? Нѣтъ! Онъ долженъ имѣть великое всемірное назначеніе“... Итакъ, въ чемъ же заключается это великое всемірное назначеніе русскаго народа?

При поверхностномъ отношеніи къ этому вопросу, отвѣчать на него не трудно. Громадная территорія нашей государственной области все еще представляетъ страну сравнительно дикую, но богатую несмѣтными дарами природы; а милліоны живущаго на ней русскаго народа все еще составляютъ темную, но способную къ просвѣщенію массу. Культивировать страну, просвѣтить темную массу, доставивъ ей блага цивилизаціи—вотъ, казалось бы, истинная задача русскаго человѣка. Конечно, задача эта высокая, благородная, вполнѣ достойная великаго народа, и къ осуществле-

нію ея никогда не перестанетъ стремиться русскій человѣкъ. Но вопросъ въ томъ, о какой культурѣ, о какой цивилизаціи здѣсь можетъ быть рѣчь? Древній Грекъ, куда бы онъ ни являлся, всюду несъ свое собственное, его неподражаемымъ геніемъ созданное, искусство, свои глубокія философскія понятія; древній Римлянинъ, усвоивъ плоды греческаго просвѣщенія, прибавилъ къ нимъ свое блестящее, невѣдомое древнему міру право съ его благотворнымъ вліяніемъ на жизнь; современный западно-европеецъ, стараясь не отстать отъ классическаго міра въ томъ, что создано геніемъ послѣдняго, всюду несетъ за собою имъ самимъ открытую положительную науку, своею мощною силою подчиняющую человѣку законы физической природы. Словомъ, каждый изъ названныхъ народовъ внесъ въ сокровищницу человѣческаго духа что-нибудь крупное, чѣмъ объясняется и оправдывается его право на стремленіе къ господству надъ окружающимъ міромъ. Что же далъ или по крайней мѣрѣ собирается дать человѣчеству русскій народъ, чѣмъ можно было бы оправдать то блестящее, поистинѣ завидное положеніе, какое онъ занимаетъ на земномъ шарѣ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было бы указать на то, что оригинальность культурнаго творчества не составляетъ необходимаго условія полезнаго служенія человѣчеству. Вѣдь существуютъ же на свѣтѣ люди, которые, сами ничего не производя, всю жизнь свою служатъ простыми передатчиками того, что изобрѣтено другими, и тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ плодотворности ихъ дѣятельности. Почему же и русскому человѣку не ограничить задачи своего служенія человѣчеству усвоеніемъ, дальнѣйшей разработкой и перенесеніемъ на берега Волги, Оби, Енисея, Лены, и т. д. того, что производится на берегахъ Шпрее, Сены, Темзы? Все это совершенно вѣрно. Но въ такомъ случаѣ—воспользуемся образомъ древняго Баяна—зачѣмъ же русскій народъ, высоко сѣдши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы

Угорскіи своими желѣзными пълки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная...; зачѣмъ грозы его по землямъ текутъ, зачѣмъ онъ стрѣляетъ съ отня злата стола Салтана за землями? Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, на Западѣ, гдѣ впервые открыты и по настоящее время хранятся первоисточники науки, составляющей основу современной культуры, гдѣ такъ пышно разцвѣтала блестящая цивилизація, стремящаяся теперь охватить собою весь земной шаръ, гдѣ проявлено столько силы, энергіи, бодрости духа, ищущихъ себѣ новой почвы для своего примѣненія, тамъ, на небольшомъ сравнительно клочкѣ земли, скучена масса людей, почти задыхающихся отъ тѣсноты и не знающихъ куда направить и свои силы и свою энергію. Въ то же время здѣсь на Востокѣ, на обширномъ пространствѣ сравнительно мало заселенной земли, привольно раскинулась наша матушка Русь, та самая Русь, которая сначала рядъ вѣковъ проспала, повидимому, въ духовной дремотѣ, а теперь, проснувшись отъ этого многовѣковаго сна, въ своемъ лѣнивомъ поступательномъ движеніи, не въ состояніи, повидимому, справиться ни съ своими духовными, ни съ своими матеріальными силами и средствами. Не есть ли это явное нарушеніе высшей правды и поэтому не слѣдуетъ ли намъ, отведя отъ западныхъ границъ свои „желѣзные полки“ и открывъ путь нашимъ сосѣдямъ, дать имъ возможность на дѣлѣ осуществить то вожделенное Drang nach Osten, о которомъ они мечтаютъ во снѣ и на яву? Если весь смыслъ нашего историческаго бытія состоитъ лишь въ насажденіи на востокѣ началъ западно-европейской цивилизаціи, то на какомъ же основаніи мы такъ ревниво оберегаемъ востокъ отъ истинныхъ піонеровъ этой цивилизаціи, которые, какъ дѣйствительне созидатели ея, должны гораздо глубже понимать ея внутреннюю сущность, а поэтому могутъ оказаться и болѣе умѣлыми ея проводниками? Словомъ, если мы созданы лишь для служебной роли, то почему же намъ и на дѣлѣ не

стать рабами тѣхъ, которые созданы быть господами? А между тѣма такой выводъ способенъ возмутить все существо русскаго человѣка, который готовъ костьми лечь за свою свободу, за свою самобытность, за каждый клочокъ своей родной земли. Почему же? Да потому, что его внутреннее самочувствіе подсказываетъ ему, что онъ не созданъ быть рабомъ, что въ нѣдрахъ его духа хранятся необъятныя силы, которыхъ слишкомъ много для того, чтобы онѣ цѣликомъ были истрачены на усвоеніе чужаго достоянія, что онъ такъ же, какъ и древній Грекъ и древній Римлянинъ и современный западно-европеецъ способенъ къ самобытному, оригинальному творчеству, что ради этого самобытнаго творчества онъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ не дремалъ, какъ это можетъ показаться при поверхностномъ наблюденіи, а усердно работалъ надъ закладкой фундамента для того грандіознаго зданія, за сооруженіе котораго онъ теперь принялся. Вопросъ лишь въ томъ, не слишкомъ ли много времени онъ потратилъ на эту предварительную работу и не сдѣлано ли уже другими то, что онъ такъ долго собирался дѣлать? Другими словами: не есть ли современная, несомнѣнно блестящая, европейская цивилизація послѣднее слово, которое суждено произнести на землѣ человѣку въ области развитія его духовныхъ силъ, не есть ли это тотъ идеалъ, выше котораго человѣкъ не способенъ подняться и въ осуществленіи котораго слѣдуетъ видѣть конечную цѣль его земнаго существованія?

Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи, которыхъ достигло современное человѣчество въ борьбѣ съ физической природой, изумительно велики, и если бы древній Грекъ, гордый своими блестящими успѣхами въ области философіи и искусства, могъ воскреснуть и взглянуть на то, чего достигло, и еще собирается достигнуть въ будущемъ, наше время при помощи своей положительной науки, то онъ ни на одну минуту не усумнился бы отвести современному человѣку одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ на своемъ священномъ Олимпѣ. Но, открывъ

тайну побѣждать физическую природу, владѣетъ ли современный европеецъ такой же тайной укрощать человѣческій духъ съ его бурными эгоистическими порывами, въ которыхъ интересы человѣческаго блага встрѣчаютъ не менѣе опаснаго врага, чѣмъ самыя грозныя явленія физической природы? Самая легкая справка представитъ намъ возможность дать на этотъ вопросъ отвѣтъ вполнѣ категорическій. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, остановимся на первыхъ, бросающихся въ глаза, фактахъ.

Вотъ предъ нами „народъ мыслителей“, давшій человѣчеству Канта и Гегеля, Александра Гумбольда и Нибура Шиллера и Бетховена и массу другихъ славныхъ дѣятелей, имена которыхъ всегда съ благоговѣніемъ будутъ вспоминаться потомствомъ. Взгляните же, чѣмъ теперь занятъ онъ, куда направлены его мысли и чувства, на что тратитъ онъ свои духовныя силы и матеріальныя средства? Оказывается, что „народъ мыслителей“ почти тѣмъ только и занятъ, что льетъ пушки, куетъ мечи, приготовляетъ бездымный порохъ, мучится надъ изобрѣтеніемъ непроницаемой брони для себя и всепроницающихъ средствъ разрушенія для другихъ, отъ времени до времени оглашаетъ воздухъ бранными кликами, словомъ, душою и тѣломъ преданъ дѣлу, имѣющему цѣлью истребленіе людей. Если вы серьезно мыслящій человѣкъ, если въ вашей душѣ есть хоть капля христіанскаго идеализма, вы съ грустью отвернетесь отъ этихъ полуодичавшихъ людей, обнаруживающихъ слѣды несомнѣннаго нравственнаго огрубѣнія и ради удовлетворенія своихъ эгоистическихъ стремленій каждую минуту готовыхъ залить кровью всю Европу.

Но вотъ предъ нами другой западно-европейскій народъ, который по всей справедливости можетъ быть названъ народомъ геніевъ, который въ теченіи вѣковъ шелъ впереди всего человѣчества, столица котораго была столицею всего цивилизованнаго міра и у котораго столько всѣми желанной свободы, представляющей, повидимому, рядъ блестящихъ условій для проявленія все-

возможныхъ видовъ гражданской доблести. И что же оказывается? Народъ геніевъ еще такъ недавно всецѣло погруженъ былъ въ свое панамское дѣло, которое гласитъ, что тутъ всѣ общественно-политическіе дѣятели, начиная отъ оффиціально поставленнаго министра, оканчивая послѣднимъ газетнымъ репортеромъ,—всѣ продажны, всѣ способны принести на алтарь мамонѣ и свою гражданскую доблесть, и свою честь, и свою совѣсть. Да что же это такое? спрашиваете вы. Ужели таковы и въ самомъ дѣлѣ должны быть представители истинной цивилизаціи, претендующей на послѣднее слово въ человѣчествѣ? Вѣдь это воры и разбойники, скажете вы, которымъ мѣсто въ дремучихъ лѣсахъ, на большой дорогѣ, а не тамъ, гдѣ благо ближняго должно быть поставлено центромъ человѣческихъ стремленій. Нѣтъ, отвѣчу я вамъ, это не воры и не разбойники, а самые блестящіе представители современной западно-европейской цивилизаціи, которую кое-кто хотѣлъ бы поставить въ примѣръ для подражанія и намъ русскимъ!

Представляя эти печальные факты въ такой рѣзкой формѣ, я не хочу преувеличивать ихъ значеніе и тѣмъ болѣе не расположенъ дѣлать изъ нихъ какіе-нибудь искусственные выводы, въ родѣ того, что „Западъ гніетъ“, „Западъ разлагается“ и т. д. Нѣтъ. Я хочу только сказать, что западный человѣкъ, устремивъ свои силы на уразумѣніе законовъ физической природы, слишкомъ мало сдѣлалъ для уразумѣнія основъ человѣческаго духа, а поэтому онъ и оказался не въ состояніи справиться съ эгоистическими стремленіями послѣдняго. Изучая формы животной жизни и встрѣчаясь тамъ постоянно съ фактомъ борьбы за существованіе, западно-европеецъ возвелъ его въ законъ, и призналъ его естественной нормой и для человѣческихъ отношеній. А чтобы узаконеніе такой нормы, противной самымъ элементарнымъ требованіямъ истинной нравственности, не довело произвола человѣческой личности до полной разнузданности, современный европеецъ, по примѣру древняго римлянина, обставилъ эту личность фор-

мально юридическими узаконеніями, думая въ этомъ внѣшнемъ формализмѣ найти и прочное основаніе для благоустройства человѣческаго общежитія и дѣйствительное средство для разумнаго воспитанія человѣческой воли. Съ торжествомъ въ жизни формально-юридическаго начала нравственное начало неизбѣжно должно было изсякнуть. Вотъ почему на западѣ есть много высокообразованныхъ христіанъ, но тамъ слишкомъ мало истинно-христіанскаго духа: высокій идеализмъ и жизненная теплота христіанской любви уступили тамъ мѣсто въ теоріи—безъидейному и безъпринципному альтруизму, а на практикѣ—сухому, мертвому, грубопрактическому, утилитаризму; искренность и сердечность христіанскаго братства замѣнена тамъ основанной на чисто коммерческихъ началахъ ассоціаціей. Фальшь такого положенія вещей непосредственно очевидна. Внѣшнія дисциплинарныя мѣропріятія всегда нужны; но ими одними вы можете воспитать въ человѣкѣ сдержанность, внѣшній лоскъ, извѣстныя, требуемыя модой, приличія; но вы никогда не побѣдите въ немъ эгоизма, который, будучи до поры до времени сдержанъ, при первомъ удобномъ случаѣ прорвется и покажетъ себя во всей своей грубой и пошлой наготѣ. Человѣческому духу присуще стремленіе къ идеалу, по совершенству котораго онъ могъ бы пересоздавать свое внутреннее несовершенство. Если вы хотите не дрессировать только человѣка, какъ дрессируютъ животныхъ, а дѣйствительно воспитывать его, дайте ему этотъ идеалъ, и поставьте дѣло такъ, чтобы въ самомъ этомъ идеалѣ была сила, притягивающая къ себѣ человѣческую волю. Только проникновеніе такимъ идеаломъ и живое общеніе съ нимъ можетъ удержать человѣка на извѣстной нравственной высотѣ. А между тѣмъ такого именно идеала западно-европейскій человѣкъ и не нашелъ, не смотря на всѣ свои усердные поиски. Усумнившись въ данныхъ откровенной религіи, онъ сталъ провѣрять ихъ путемъ логическаго мышленія. И въ этомъ сомнѣніи и въ этомъ стремленіи къ логическому уразумѣнію откровенныхъ

истинъ нѣтъ ничего преступнаго, такъ какъ, съ одной стороны, философское сомнѣніе не есть что нибудь такое, что зависѣло бы отъ нашей доброй воли, съ другой стороны, и разумъ данъ намъ не для того, чтобы непремѣнно вводить насъ въ обманъ. Тѣмъ не менѣе всѣ попытки европейской мысли, сдѣланныя въ этомъ направленіи, окончились крайне печально: онѣ разрѣшились рядомъ философскихъ системъ, давшихъ въ результатѣ или грубый матеріализмъ, или идеалистическій пантеизмъ. Того же, что именно слѣдовало найти человѣку, т. е. такого міровоззрѣнія, которое въ основу всего сущаго ставило бы начало личное, разумное, сознающее и волящее, по абсолютному совершенству котораго человѣкъ могъ бы настраивать свое собственное несовершенство, такого міровоззрѣнія онъ не нашелъ. Возвратиться послѣ этого къ вѣрѣ предковъ было уже не возможно: безпощаднымъ анализомъ мысли она была или совершенно вытравлена, или настолько парализована, что потеряла все свое жизненное значеніе. „Опустошивъ небо“ и, оставшись, такимъ образомъ, безъ религіознаго идеала, человѣкъ остался и безъ дѣйствительной нравственной основы.

Правда, отвергнувъ христіанскую любовь, какъ принципъ нравственной дѣятельности человѣка, европейская философія поспѣшила замѣнить ее *альтруизмомъ*, т. е. вѣрой въ силу естественнаго, безсознательнаго, чисто инстинктивнаго стремленія къ добру, важнѣйшей формой проявленія котораго является *состраданіе*. Но насколько альтруизмъ можетъ замѣнить христіанскую любовь, видно уже изъ того, что тотъ же Шопенгауеръ, который выступилъ однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ альтруизма, явился вмѣстѣ съ тѣмъ и основателемъ самаго отчаяннаго, самаго безотраднаго, въ полномъ смыслѣ слова безъисходнаго пессимизма, который, сказать кстати, сдѣлался самою модною философіей въ Европѣ. Для всякаго, надѣюсь, ясно, что тамъ, гдѣ царствуетъ истинная христіанская любовь, тамъ нѣтъ мѣста пессимизму; это понятія несовмѣстимыя. А между тѣмъ разъ ставъ на такую

шаткую почву, европейская мораль уже не въ состояніи была удержаться отъ своего полнаго паденія. И вотъ въ результатѣ мы имѣемъ возмутительную философію морали злополучнаго бывшаго базельскаго профессора, Фридриха Ницше, который съ циничной беззастѣнчивостью заявляетъ, что мораль состраданія есть плодъ физіологическаго старѣнія, измельчанія и общаго вырожденія человѣчества, что то, что на обычномъ языкѣ называется добродѣтелью, въ сущности есть подлая „трусость“, „жалкая дряблость“, „бабья мораль“, что люди, которыхъ принято называть безнравственными, преступниками, злодѣями и т. д., не должны быть приносимы въ жертву обычному понятію о нравственности и что самое понятіе о чистой и нечистой совѣсти должно быть изгнано со свѣта. Во имя чего же, спросите вы, дѣлается подобное возмутительное, по истинѣ чудовищное, словоизверженіе? Оказывается, что все это проповѣдывается во имя идеала усовершенствованія отдѣльныхъ представителей человѣческой породы. Человѣчество-де мельчаетъ, старѣетъ, вырождается, и чтобы спасти его отъ окончательнаго разложенія, нужно дать полную волю людямъ сили, жизни, энергіи, хотя бы это были отчаянные злодѣи, никакими законами несдерживаемые преступники. А что же будетъ съ остальными людьми? спросите вы. Остальные люди, какъ нѣчто стадное, мелкое, жалкое, презрѣнное, должны послужить пьедесталомъ для возвеличенія этихъ геніевъ, безъ которыхъ вся остальная масса человѣчества сама по себѣ ничего не стоитъ. Слушая эту философію, рѣшительно забываешь, о комъ здѣсь идетъ рѣчь: о людяхъ ли, или о стадѣ животныхъ, въ которомъ лучшіе экземпляры сохраняются для развода, а остальная масса отдается на убой. Напрасно стараются ослабить истинный смыслъ этой морали, утверждая, что она есть безумный бредъ сумасшедшаго. Мораль Фридриха Ницше находится въ самой тѣсной внутренней связи съ общимъ духомъ европейскаго міровоззрѣнія, какъ оно сложилось въ послѣднее время. Не трудно

понять, что мораль эта есть ничто иное, какъ перенесеніе въ область человѣческихъ отношеній хорошо извѣстнаго Дарвиновскаго ученія объ усовершенствованіи типа путемъ естественнаго подбора на почвѣ борьбы за существованіе. Любопытно то, что Фридрихъ Ницше развилъ свою философію морали путемъ критики воззрѣній Шопенгауера, такъ что на его мораль можно смотрѣть какъ на своего рода лѣкарство противъ пессимизма. Страшно становится за людей, которые, страдая такими болѣзнями, вынуждены прибѣгать къ подобнымъ лѣкарствамъ. Послѣ этого нужно удивляться не тому, что въ Европѣ царствуютъ милитаризмъ и панамщина, а тому, что тамъ люди еще не переѣли другъ друга. Впрочемъ, динамитная система все сильнѣе и сильнѣе всплывающей наружу соціальной борьбы заставляетъ опасаться, какъ бы тамъ и на самомъ дѣлѣ не случилось чего нибудь подобнаго.

Итакъ, повторяю: западно-европеецъ, выказавъ величайшее могущество въ дѣлѣ подчиненія себѣ силъ и законовъ физической природы, оказался совершенно безсильнымъ въ дѣлѣ уразумѣнія основъ человѣческаго духа. Вотъ та проблемма, предъ которою остановился западный человѣкъ и въ дѣлѣ рѣшенія которой онъ фактически доказалъ свое полное духовное банкротство. Когда степной кочевникъ, всю жизнь свою проводящій въ набѣгахъ, убиваетъ и грабитъ своихъ сосѣдей, вы называете его дикимъ варваромъ и этимъ все объясняется. Но когда культурный человѣкъ, давшій неоспоримыя доказательства блестящаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ своего духа, обнаруживаетъ тѣ же инстинкты, вы имѣете полное право назвать его нравственнымъ банкротомъ и нѣтъ ему другаго названія. А между тѣмъ законы нравственности такъ же непреложны, какъ и законы физическіе, и если нарушеніе ихъ не влечетъ за собою непосредственно кары, то это еще не значитъ, что она и никогда не послѣдуетъ. И горе тому народу, который принесши ихъ на алтарь личному эгоизму, во время не опомнится и не совершитъ надле-

жащей искупительной жертвы. Что отъ современнаго человѣчества требуется такая искупительная жертва, это едва ли нужно доказывать. Кругомъ чувствуется, что безъ такой жертвы и безъ разрѣшенія указанной проблеммы, жизнь человѣка, поднявшагося на такую высокую ступень культурнаго развитія, становится невозможною. Пока человѣкъ покоился, такъ сказать, на землѣ, пока его воля сдерживаема была нравами и обычаями доброй старины, онъ стоялъ твердо, потому что подъ ногами у него была хотя грубая, но прочная точка опоры. А разъ онъ поднялся надъ землею и прежніе устои стали шататься, ему предстоитъ одно изъ двухъ: или онъ долженъ отыскать тягу, прикрѣпляющую его къ небу, или онъ долженъ рухнуть и разсыпаться, какъ рухнулъ и разсыпался древній языческій міръ въ лицѣ цѣлаго ряда своихъ, не рѣдко очень блестящихъ, представителей. Послѣ всего сказаннаго не трудно понять, что такою тягою можетъ быть только возвышенный нравственный идеалъ, который бы, овладѣвъ всѣмъ существомъ человѣка, вызвалъ бы къ жизни всѣ лучшія, всѣ бдагороднѣйшія силы его духа, доставивъ имъ возможность одержать верхъ надъ не вмѣру расходившимся эгоизмомъ личности. Не трудно, надѣюсь, понять также, что такой идеалъ можетъ возникнуть только на почвѣ религіозной и что онъ уже давно данъ человѣчеству въ христіанствѣ. Но легко, также понять и то, что возвращеніе къ прежнему, непосредственному отношенію въ вопросахъ вѣры для представителей современной европейской мысли уже почти невозможно. Гдѣ работаетъ мысль съ ея не разлучнымъ спутникомъ анализомъ, тамъ неизбѣжно идетъ разрушеніе; а что разрушено анализомъ мысли, то можетъ быть возстановлено только его синтезомъ. А между тѣмъ единственный положительный результатъ, котораго достигла европейская философія въ основныхъ пунктахъ своего ученія, состоитъ въ томъ, что она тщательно разрушила все, во что прежде вѣрилъ человѣкъ; всѣ же созидательныя попытки ея творчества дали въ резуль-

татѣ почти одинъ только пустоцвѣтъ; такъ что руководящій мыслію слой европейскаго общества, имѣющій громадное вліяніе и на все общество и даже на народную массу, остался теперь и безъ философіи (т. е. безъ общепризнанной философской системы) и безъ религіи. И нѣтъ сомнѣнія, что если и мы, русскіе люди, будемъ слѣпо слѣдовать за Европой, то и съ нами случится тоже. Но въ тоже время остановить работу анализа мысли мы не можемъ. Да это и не нужно: бѣда не въ работѣ мысли, а въ ея направленіи и въ ея отношеніи къ остальнымъ силамъ духа. Здѣсь нѣтъ необходимости пускаться въ подробный анализъ современнаго состоянія европейской мысли; достаточно отмѣтить слѣдующій фактъ, ни для кого не составляющій теперь новости. Вслѣдствіе долгаго, преобладающаго, почти исключительнаго упражненія логической мысли, послѣдняя не только заняла центральное значеніе между остальными способностями души, но и произвела парализующее дѣйствіе на развитіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, что прежде всего слѣдуетъ сказать о *волѣ*. Измельчаніе типовъ, невозможность появленія сильныхъ характеровъ, которыми изобиловала старая Европа, общая дряблость, на которую жалуется современная Европа, все это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ упадка воли, что нѣкоторые не безъ основанія ставятъ также въ причинную связь съ общимъ оскудѣніемъ жизненной энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ тому, что дѣлается въ Европѣ, и вы увидите, что дѣятельностью ея руководятъ три фактора: логическая мысль, сильная своими прочно установившимися методами; навыкъ, пріобрѣтенный долгимъ упражненіемъ, и чувство, переходящее нерѣдко въ необузданную страсть; могучей же воли,—этой двигающей силы духа, которая создала современную Европу, теперь тамъ мало видно. А между тѣмъ теперь все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ сознаваться мысль, что волѣ принадлежитъ центральное значеніе не только въ дѣлѣ вѣры и практической жизни вообще, но и въ области позна-

нія, и—что всего важнѣе,—безъ воли не возможно возникновеніе идеаловъ. Что такое идеалъ? Идеалъ есть воспринятая сознаніемъ идея, перешедшая въ актъ воли. Гдѣ нѣтъ воли, тамъ не можетъ быть ни возвышенныхъ идеаловъ, ни прочныхъ и глубокихъ убѣжденій, ни вообще здравой философіи. Полный упадокъ въ современной Европѣ метафизики, господство позитивизма, не требующаго ни глубины, ни энергіи мысли, поразительная шаткость мнѣній въ рѣшеніи вопроса о нравственной дѣятельности человѣка, сильный успѣхъ пессимизма, все это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ упадка воли, и вообще—жизненной энергіи. Люди, знакомые съ исторіей философіи, легко могутъ припомнить, что нѣчто аналогичное происходило въ древней Греціи, когда сошли со сцены три великана греческой философской мысли, Сократъ, Платонъ и Аристотель, и когда наступило господство мелкихъ школъ, безплодно мучившихся надъ рѣшеніемъ разнаго рода практическихъ вопросовъ.

Итакъ, бѣда не въ анализѣ мысли, а въ ея направленіи, въ ея односторонности, а можетъ быть, и въ ея современномъ безсиліи. А между тѣмъ, никогда, кажется, не чувствовалась въ такой степени, какъ это теперь чувствуется, необходимость въ такой философской системѣ, которая бы, удовлетворяя непреодолимой потребности современнаго человѣка въ логическомъ обоснованіи всякой истины, въ тоже время оказалась бы въ согласіи съ истинами откровенной религіи. Что Западъ нуждается въ такой системѣ, это непосредственно очевидно; но что потребность въ ней начинаетъ чувствоваться и у насъ на Руси, это видно, во первыхъ, изъ ряда появившихся у насъ въ позднѣйшее время работъ по философіи извѣстнаго направленія, во вторыхъ, изъ того успѣха, какимъ пользуются въ извѣстномъ кругу нашего интеллигентнаго общества плоды недомыслія разнаго рода непризванныхъ проповѣдниковъ, въ родѣ, напр., „ясно-полянскаго пророка“.

Итакъ, утвердить ослабѣвшую и расшатавшуюся мысль

на прочномъ основаніи, примирить ее съ даннымъ въ откровеніи религіозно-нравственнымъ идеаломъ и водворить, такимъ образомъ, въ душѣ гармонію ея силъ, способностей и стремленій, воспитать по этому идеалу человѣческую волю такъ, что бы она, отказавшись отъ эгоизма личности, благо ближняго поставила центромъ своихъ стремленій и въ этомъ благѣ нашла одинъ изъ главныхъ источниковъ своего личнаго счастья,—вотъ та великая, по истинѣ славная, но въ тоже время необыкновенно трудная, задача, которую поставила исторія цивилизаціи будущаго. Освѣщая эту задачу съ исторической точки зрѣнія, можно представить себѣ ее такъ. Древній міръ освободилъ человѣческій духъ изъ-подъ гнета матеріи и далъ ему самостоятельное бытіе. Въ новѣйшей европейской цивилизаціи освобожденный духъ всѣ свои силы устремилъ на уразумѣніе законовъ порабощавшей его матеріи и достигъ того, что самъ заставилъ послѣднюю служить своимъ интересамъ. Осталось выполнить еще третью и послѣднюю задачу: отыскать ключъ къ уразумѣнію законовъ человѣческаго духа и заставить послѣдній служить тому высшему идеалу, для осуществленія котораго созданъ человѣкъ. Велики заслуги современной цивилизаціи, одержавшей столько славныхъ побѣдъ надъ законами физической природы; но онѣ поблѣднѣютъ предъ заслугами той цивилизаціи, которая съумѣетъ побѣдить эгоизмъ человѣческаго духа и доставитъ человѣчеству тотъ вожделенный миръ, о которомъ оно такъ давно и такъ напрасно мечтаетъ.

Но возможно ли это? Не есть ли это несбыточная мечта, созданная воображеніемъ человѣка для услажденія тяжкихъ минутъ горькой дѣйствительности?

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время, которое принято называть временемъ акцій и облигацій, желѣзно-дорожныхъ концессій и банковыхъ краховъ, временемъ динамитныхъ взрывовъ, панамщины и грубаго милитаризма, въ такое время не много можно встрѣтить людей, которые, вмѣстѣ съ ве-

ликимъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ повѣрили бы, что настанетъ время, когда люди „перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои на серпы; не подниметъ народъ на народъ меча, и не будетъ болѣе учиться воевать“ (Ис. II, 4), и когда вообще люди „не будутъ дѣлать зла и вреда“, потому что „земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море“ (XI, 9). Можно съ увѣренностью утверждать, что для громаднаго большинства людей нашего времени, претендующихъ на право практической разсудительности и здравомыслія, подобный идеализмъ покажется несбыточной утопіей, плодомъ дѣтской, наивной мечтательности. Мы однакожъ позволимъ себѣ спросить, на какихъ данныхъ, на какомъ логическомъ основаніи утверждается подобный скептицизмъ? Ни исторія человѣческаго прогресса, представляющая факты хотя и неравномѣрнаго, и не всегда устойчиваго, но все же несомнѣннаго развитія всѣхъ сторонъ человѣческаго духа, ни понятіе о человѣческой личности, содержащей въ своей природѣ необходимыя условія для высокаго нравственнаго совершенствованія, ни текущая жизнь, представляющая примѣры отдѣльныхъ личностей, глубоко проникнутыхъ истинною христіанскою любовью и высокими благородными стремленіями,—ничто не даетъ права для такого скептицизма. Такой скептицизмъ утверждается на грубомъ практицизмѣ вѣка, на общемъ упадкѣ духа нравственнаго идеализма и на вѣрѣ въ могущество эгоизма, въ борьбѣ съ которымъ ходячая мораль оказалась совершенно безсильною. Конечно, было бы наивно предполагать, что поворотъ къ предполагаемому нравственному возрожденію человѣчества произйдетъ о подъ воздѣйствіемъ какой бы то ни было морали. Чтобы современный человѣкъ вышелъ изъ состоянія своей нравственной апатіи, чтобы онъ твердо рѣшился вступить въ борьбу съ своимъ эгоизмомъ, чтобы душа его загорѣлась порывами къ высокому идеализму, необходимо, чтобы жизнь предварительно дала ему серьезный урокъ въ этомъ отношеніи. Когда эгоизм[illegible] личности за-

Им-та русского языка
библиотека
МО. яз. и мышления АН СССР
13033
[illegible] Академическая
библ[illegible] на
[illegible] Наук
[illegible] СССР

ручившись всѣми усовершенствованіями современной техники, поощряемый проповѣдниками, подобными Фридриху Ницше, въ своей разнузданности дойдетъ до крайностей, тогда, скажемъ словами поэта,

...Опомнится нашъ вѣкъ,
Погибнетъ царство Эпикура,
За умъ возьмется человѣкъ.

Само собою разумѣется, что для того, чтобы современное человѣчество могло вынести на своихъ плечахъ такую грандіозную реакцію и не пасть въ ней, а нравственно возродиться, необходимо, чтобы оно въ минуту катастрофы могло выдвинуть на сцену жизни богатыя, еще совершенно свѣжія стихійныя силы. Этому учитъ насъ историческій опытъ. На памяти исторіи Европа уже разъ переживала аналогичное состояніе. Извѣстно, что когда съ трибунъ нравственно разлагавшагося греко-римскаго міра стала раздаваться призывавшая къ духовному возрожденію проповѣдь сначала языческихъ, а потомъ и христіанскихъ проповѣдниковъ, то этотъ призывной голосъ въ извѣстномъ смыслѣ остался безплоднымъ и не въ состояніи былъ спасти рушившагося ветхаго зданія. Почему? Потому, что греко-римскій міръ уже не способенъ былъ къ обновленію, такъ какъ онъ къ этому времени уже успѣлъ израсходовать весь запасъ своихъ стихійныхъ силъ и обновиться ему было нечѣмъ. Но и выступавшій на смѣну юный Германо-Кельтическій міръ тоже не могъ въ надлежащей степени воспользоваться этою проповѣдью, по той простой причинѣ, по какой не знающій жизни юноша не можетъ воспользоваться жизненнымъ опытомъ старца. Въ иномъ положеніи находится современная Европа. Правда, трудно повѣрить, чтобы западъ, совершившій такой огромный подвигъ и потратившій на него такую массу силъ, могъ взять на себя новую, еще болѣе грандіозную, еще болѣе

трудную задачу. Къ тому же голоса, служащіе показателемъ внутренняго самочувствія на западѣ, начинаютъ звучать въ позднѣйшее время все болѣе и болѣе минорнымъ тономъ, а это дурное предзнаменованіе. Народный организмъ, гдѣ могутъ пользоваться успѣхомъ проповѣдники мрачнаго пессимизма, сулящаго въ результатѣ почти полную индійскую нирвану; гдѣ, съ другой стороны, могутъ раздаваться голоса, которые, какъ бы возбужденные предсмертной агоніей, для спасенія угасающей жизненной энергіи, могутъ предлагать такія отчаянныя средства, съ какими выступилъ Фридрихъ Ницше; гдѣ, наконецъ, въ срединѣ между этими крайностями помѣщается остальная масса, одинаково равнодушная и къ добру и къ злу, и всецѣло отдавшаяся интересамъ плоти,— такой организмъ едва ли способенъ къ полному всестороннему обновленію. И въ этихъ проявленіяхъ даннаго организма и въ его неровномъ пульсѣ, опытный діагностъ увидитъ зловѣщіе симптомы, мало подающіе надеждъ на выздоровленіе. Но едва ли это же можно сказать о славяно-русскомъ мірѣ. Правда, интеллигентный классъ нашего народнаго организма давно уже живетъ жизнію запада и въ разсматриваемомъ отношеніи не только не лучше, но, пожалуй, даже хуже его. Но болѣя болѣзнями Запада, мы за то опытны и его опытомъ. Критикуя Западъ, мы критикуемъ и себя, предлагая лѣкарство для излѣченія Запада, мы предлагаемъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя. А разъ діагноза поставлена и лѣкарство опредѣлено, то исходъ болѣзни зависитъ частію отъ ухода за больнымъ, а главнымъ образомъ—отъ собственныхъ силъ организма: чего не перенесетъ старикъ, то можетъ перенести юноша. Тутъ то и заключается наше преимущество предъ Западомъ. Загляните въ наше захолустье, особенно въ пункты, удаленные отъ культурныхъ центровъ, и вы встрѣтите тамъ милліоны людей, которые своею первобытностію перенесутъ ваше воображеніе ко временамъ Владиміра и Ярослава. И если вы поживете съ ними и глубже присмотритесь къ ихъ

внутреннему міру, то, не смотря на свое огромное превосходство въ умственномъ отношеніи, вы почувствуете себя пигмеемъ предъ этой въ теченіи вѣковъ крѣпшей, совершенно непочатой, стихійной силой. Такое же впечатлѣніе русскій человѣкъ производитъ и на иностранцевъ, которые ближе и внимательнѣе къ нему присмотрѣлись. Извѣстный ученый Вогюэ, познакомившись съ группой русскихъ монаховъ на Аѳонѣ, замѣчаетъ: „здѣсь нѣтъ и рѣчи о какомъ нибудь упадкѣ силъ, о разложеніи; напротивъ того, приходится имѣть дѣло съ поколѣніемъ новымъ, нетронутымъ, которое хотя и уноситъ насъ въ средніе вѣка, но въ средніе вѣка Запада". Но особенно любопытны въ этомъ отношеніи отзывы по своему знаменитаго Ренана, которые онъ высказалъ, между прочимъ,—въ характеристикахъ Тургенева и Мицкевича. Какъ бы комментируя наше народное вѣрованіе, что могучая богатырская сила зрѣетъ въ долгомъ бездѣйствіи и что геній „почти всегда есть результатъ долгаго предшествовавшаго сна", онъ признаетъ славянъ людьми, „полными первобытныхъ соковъ", которые „въ одно время и новы въ жизни, и древни по своему существованію" и „появленіе которыхъ на первомъ планѣ міра составляетъ самое неожиданное явленіе нашего вѣка". Ренанъ, затѣмъ, вѣритъ, что будуще откроетъ рядъ неожиданностей, хранящихся въ этомъ, какъ онъ выражается „изумительномъ славянскомъ духѣ, съ его пламенною вѣрою, съ его глубокою проницательностію, съ его особеннымъ пониманіемъ жизни и смерти, съ его потребностью мученичества, съ его жаждою идеализма", съ его упорнымъ оптимизмомъ, съ непоколебимою вѣрою въ будущее человѣчества. Думаю, что ни одинъ истино-русскій человѣкъ не станетъ отрицать вѣрности этой характеристики. А если такъ, то какіе же еще другія качества нужны для народа, призваннаго быть рѣшителемъ выше указанной проблеммы? Народъ, богатый нетронутыми природными силами и полнотою первобытныхъ соковъ, народъ, духъ котораго съ пламен-

ною вѣрою и жаждой идеализма соединяетъ потребность претерпѣть мученичество за свои идеалы, народъ, который въ своемъ упорномъ оптимизмѣ непоколебимо вѣрить въ будущее человѣчества,—да этотъ именно народъ и способенъ подавить эгоизмъ духа и доставить торжество въ жизни высшимъ нравственнымъ началамъ. Внѣшнія условія нашего существованія какъ нельзя лучше этому благопріятствуютъ. Съ одной стороны, мы достаточно сильны, чтобы не питать въ душѣ злобы, свойственной мелкому безсилію, съ другой стороны, мы достаточно богаты, чтобы не развивать въ себѣ зависти, свойственной нищетѣ. Словомъ, въ нашемъ внѣшнемъ существованіи нѣтъ условій, часто способствующихъ воспитанію низкихъ, пошлыхъ инстинктовъ.

Обобщимъ все вышесказанное. Съ тѣхъ поръ, какъ появился на землѣ человѣкъ, коренною потребностью его духа всегда было стремленіе къ благу. Но въ этомъ своемъ стремленіи человѣкъ всегда встрѣчалъ двухъ главныхъ враговъ: физическую природу и свой собственный эгоизмъ. Считая перваго врага важнѣйшимъ, борьбу съ нимъ человѣкъ повелъ энергично и его трудъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ: современный человѣкъ можетъ съ гордостью сказать, что ключъ къ уразумѣнію законовъ физической природы въ его рукахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество надъ нею частію уже достигнуто, частію, можно надѣяться, будетъ достигнуто въ будущемъ. Но борьба съ первымъ врагомъ не только не ослабила втораго, но даже усилила его, давъ въ его распоряженіе средства, выработанныя въ борьбѣ съ первымъ врагомъ. Правда, для борьбы съ эгоизмомъ духа могущественное средство даровано человѣку въ христіанствѣ съ его благодатными силами. Но девятнадцати-вѣковый опытъ показалъ, что результаты воспитательнаго дѣйствія на людей христіанства слишкомъ далеки отъ своего идеала. Почему же? Потому, что христіанство въ своемъ основаніи выходитъ изъ факта признанія свободной воли человѣка, которому предоставляется

право свободнаго участія въ своемъ совершенствованіи и насиліе надъ которымъ не допускается. Причина зла, такимъ образомъ, коренится не въ безсиліи христіанства, а въ самой человѣческой природѣ, въ порочныхъ наклонностяхъ воли. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы человѣчество до этого времени мало заботилось объ усовершенствованіи своей воли. Наоборотъ, у всѣхъ культурныхъ, особенно христіанскихъ, народовъ всегда преобладало стремленіе довести волю человѣка до согласія съ болѣе или менѣе возвышеннымъ нравственнымъ идеаломъ; но всѣ эти стремленія обыкновенно разбивались объ ихъ собственное безсиліе. Коренная же причина этого безсилія лежитъ въ незнаніи законовъ духа. Путь къ побѣдѣ надъ эгоизмомъ человѣческаго духа тотъ же, что и къ побѣдѣ надъ физическою природою, т. е. уразумѣніе законовъ, по которымъ совершается жизнь духа. Воля человѣка свободна; но это не значитъ, что она случайно произвольна въ своихъ проявленіяхъ. Нѣтъ: она такъ же закономѣрна, какъ и все то, что выходитъ изъ рукъ Верховнаго Законодателя; хотя законы духа безконечно сложнѣе законовъ физической природы, а поэтому и уразумѣніе ихъ несравненно труднѣе. Но несомнѣнно то, что пока человѣкъ не отыщетъ ключа къ уразумѣнію законовъ духа и не найдетъ средствъ къ прямому воздѣйствію на него, до тѣхъ поръ онъ, въ жалкомъ безсиліи, не перестанетъ повторять вслѣдъ за великимъ апостоломъ: „не еже хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю (Римл. VII, 19), т. е. онъ не въ состояніи будетъ вполнѣ воспользоваться благодатными силами христіанства и до извѣстной степени всегда будетъ оставаться рабомъ своихъ страстей, своей грѣховности; а жизнь, согласная съ идеаломъ, навсегда останется удѣломъ натуръ исключительныхъ, людей избранныхъ. Только уразумѣніе законовъ духа въ широкомъ смыслѣ этого слова можетъ открыть человѣку вѣрный путь къ побѣдѣ надъ эгоизмомъ, точно такъ же, какъ уразумѣніе законовъ физической природы открыло ему путь

къ побѣдѣ надъ ея враждебными силами. Итакъ, открыть ключъ къ уразумѣнію законовъ человѣческаго духа и привести его стремленія въ согласіе съ даннымъ въ христіанствѣ нравственнымъ идеаломъ, вотъ, въ концѣ концовъ, та великая, безконечно трудная, но въ тоже время высоко-благородная задача, къ осуществленію которой призванъ великій славяно-русскій народъ.

Въ отвѣтъ на это могутъ замѣтить, что ключъ къ уразумѣнію законовъ духа уже данъ человѣку въ откровенной религіи. Да, онъ данъ. Но развѣ вся глубина данныхъ откровенной религіи уже вполнѣ сознана и раскрыта человѣческимъ пониманіемъ? Первобытный дикарь и глубочайшій философъ могутъ рядомъ жить и спасаться въ нѣдрахъ христіанской Церкви; но развѣ степень пониманія христіанскихъ истинъ у того и другаго одинакова? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что путь къ уразумѣнію данныхъ откровенной религіи, идущій чрезъ самоуглубленіе человѣческаго духа въ актѣ самосознанія, безконеченъ? По мѣрѣ того, какъ человѣческое сознаніе путемъ самоуглубленія будетъ подвигаться впередъ въ дѣлѣ пониманія законовъ духа, и степень уразумѣнія данныхъ откровенной религіи, опредѣляющихъ цѣль и смыслъ человѣческаго бытія, будетъ становиться все выше, все яснѣе. Вотъ въ этомъ то поступательномъ движеніи въ дѣлѣ пониманія законовъ духа, ведущемъ къ болѣе глубокому уразумѣнію и воплощенію въ жизни данныхъ откровенной религіи, и заключается истинный смыслъ того нравственнаго прогресса, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, возможность и необходимость котораго здѣсь доказывается.

Но почему же именно русскій, а не какой-нибудь другой народъ призванъ осуществить на землѣ эту поистинѣ завидную задачу? Прежде всего не потому, что народъ этотъ обладаетъ яко бы какими то необыкновенными, ему одному присущими, дарованіями, что онъ де лучше другихъ народовъ, что онъ народъ избранный, призванный Провидѣніемъ

для осуществленія на землѣ какой-то чрезвычайной миссіи... Если бы все это было и вѣрно, то во всякомъ случаѣ подобное самохвальство не должно исходить изъ устъ людей, принадлежащихъ къ племенному типу, который не безъ основанія нѣкоторые называютъ „типомъ женскимъ“, „типомъ смиреннымъ“. Нѣтъ, не потому. А потому, что вышеуказанная задача ясно сознана и съ практическою принудительностью выдвинута жизнію какъ разъ въ тотъ именно моментъ, когда русскій народъ, достигнувъ въ своемъ политическомъ могуществѣ необходимыхъ гарантій, обезпечивающихъ свободу и безопасность мирнаго труда и сознавъ необходимость освободиться отъ рабскаго подчиненія чужому вліянію, еще совершенно юный, бодрый, полный свѣжихъ силъ, сталъ на путь свободнаго, самобытнаго развитія. Великіе народы, въ подобные моменты своего бытія, всегда чувствуютъ потребность въ такой задачѣ, которая бы, объединяя и направляя ихъ богатыя дарованіями силы, въ тоже время указывала бы исходъ и давала бы внутреннее удовлетвореніе идеальнѣйшимъ стремленіямъ ихъ духа. Что мы, русскіе люди, въ настоящее время чувствуемъ потребность въ такой именно задачѣ, это доказывается всеобщей жалобой у насъ на отсутствіе идеаловъ, а что эта задача уже указана намъ текущею жизнію, это, надѣюсь, достаточно доказано. Западное человѣчество въ своей наукѣ о человѣкѣ пришло къ признанію своего ближайшаго непосредственнаго родства съ животнымъ, а поэтому, не противорѣча себѣ, конечною цѣлью своего бытія оно легко можетъ ставить фактъ всесторонняго удовлетворенія разнообразнымъ потребностямъ своей животной природы. Русскій народъ имѣетъ мужество признавать, что онъ созданъ по образу и подобію Божію, и горячо вѣритъ, что этотъ образъ въ своемъ чистѣйшемъ, въ своемъ идеальнѣйшемъ, видѣ воплощенъ на землѣ въ исторической личности нашего Божественнаго Спасителя. Вотъ его единственный идеалъ, не воображаемый только, а такой же живой, такой же дѣйстви-

тельный, какъ живо и дѣйствительно все реально существующее. Западное человѣчество, сообразно съ указаннымъ направленіемъ своей мысли, создало себѣ много кумировъ и всякаго рода подобій, а поэтому тамъ и много культовъ, служеніе которымъ разсѣеваетъ вниманіе человѣка и мѣшаетъ ему сосредоточиться на чемъ нибудь опредѣленномъ. У русскаго народа одинъ Богъ, а поэтому онъ можетъ и долженъ отдаться ему всецѣло, безъ остатка, горячо, искренно, съ свойственнымъ нашему племени идеализмомъ. Что же касается того, останется ли онъ въ этомъ своемъ стремленіи одинокимъ или найдетъ поддержку среди другихъ народовъ, это другой вопросъ, которому здѣсь нѣтъ мѣста.

Въ заключеніе, во избѣжаніе всякаго рода недоразумѣній, считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря объ условіяхъ осуществленія указанной задачи, я касаюсь этого вопроса настолько, насколько рѣшеніе его зависитъ отъ *сознательнаго стремленія свободной воли* человѣка. Кромѣ свободной воли человѣка на процессъ историческаго развитія человѣчества вліяютъ, конечно, и другіе факторы, но это другой вопросъ, касаться котораго здѣсь не вижу необходимсти. Не касаюсь также и тѣхъ началъ, которыми характеризуется наша народность и послѣдовательное развитіе которыхъ составляетъ лучшую гарантію успѣшнаго осуществленія вышеуказанной задачи. Что духъ *общинности* въ соціально-экономичнскомъ быту и начало *соборности* въ области религіи служатъ лучшимъ условіемъ для подавленія эгоизма личности и воспитанія въ человѣкѣ духа христіанскаго альтруизма, эта мысль блестяще развита у насъ славянофилами и повторять ее здѣсь было бы излишне.

Ин-та русского языка
БИБЛИОТЕКА
МО. яз. и Мысления АН СССР